

Д. С. Мережковский

Св. Тереза Иисуса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
М52

М52 **Мережковский Д.С.**
Св. Тереза Иисуса / Д. С. Мережковский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-2336-8

Дмитрий Сергеевич Мережковский - известный русский и европейский поэт, писатель и философ Серебряного века. Один из основоположников русского символизма, он первым ввел в литературу жанр историософского романа.

ISBN 978-5-4241-2336-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.С. Мережковский, 2021

Дмитрий Сергеевич Мережков
Св. Тереза Иисуса

«Только бы люди немного больше поняли и прославили Господа, и пусть меня проклянет весь мир!» – говорила св. Тереза Иисуса. Кажется иногда, что хуже всякого проклятия для нее тот венец святости, которым люди ее увенчали. «Люди говорят, что Тереза – святая... Но, слыша такие глупости, – я в отчаянии... Нет, делайте святыми кого угодно, если вам это ничего не стоит, – только не меня». Если Господь оказывает мне большие милости, чем другим людям, то потому только, что я слабее и ничтожнее всех». «Я самое грешное и слабое из всех созданий, бывших когда-либо в мире». «Великая милость Божия уже и то, что я не в аду, как того заслужила». «В молодости мне говорили, что я хороша, и я этому верила, потом говорили, что я умна, – я и этому верила, а теперь говорят, что я – святая, но этому я уже не верю». «Я никуда не гожусь и не понимаю, почему люди хотят, чтобы я шла не общим путем; это мне тяжело, потому что мне иногда кажется, что я обманываю всех... Я хотела бы спрятаться в такое место, где никто не видел бы меня, но эта потребность уединения у меня не от доброго чувства, а от трусости». «Я нашла, наконец, счастье, которого так долго искала: оно заключается в том, чтобы люди забыли о Терезе так, как если бы ее никогда не существовало на свете». «Господи, подумай, что Ты делаешь! – молится она, при восхождении на вершину святости. – Не забывай так скоро великих грехов моих, не проливай столь драгоценной влаги в треснувший сосуд... Не вверяй такого сокровища такому слабому, несчастному и грешному созданию, такой презренной женщине, как я!»

Бог является ей в одном видении «алмазом большим, чем весь мир, в несказанно чистом свете» «Видела я, какими страшными черными пятнами осквернили грехи мои этот Свет... и, после этого видения, не знала, куда мне деваться». «Если бы только люди знали, какова я на самом деле, то плюнули бы мне в лицо!» Это вовсе не христианское «смирение», или, по крайней мере, вовсе не то, чем кажется оно извне, а что-то совсем другое, – может быть, точнейшее познание того, что действительно есть во всяком человеке, грешном и святом одинаково, и что религиозный опыт христианства назовет первородным грехом. Святость, может быть, и есть не что иное, как глубочайшее, грешным людям неизвестное, чувство этого греха.

«Страшен Ты, Господи, для святых Твоих, потому что для Тебя одного святые они или грешны», – ужасается Лютер. Темный луч первородного греха, преломляясь, как в призме, в каждой человеческой личности, окрашивается в особый цвет – в личный грех. В чем же первородный личный грех св. Терезы? «Были для нее грехи ее гнусной трясинной, чей смрад непрестанно мучил ее», – говорит она о себе в третьем лице. Очень легко говорить о грехах своих вообще, но, может быть, мы лучше поняли бы св. Терезу, если бы она сказала нам о главном грехе своем, в частности. Слабость в ее писаниях – то, что она скрывает от самой себя и от людей свою трагедию – проблему Зла, вопрос св. Августина: «Что такое Зло? Quod sit malum?» – тайну первородного греха в мире и в ней самой. Вот почему ее «обращение» ко Христу нам непонятно: мы видим только, куда она входит, обращаясь ко Христу, а откуда вышла, почти не видим. «Бог хранит для нас великие искушения... в которых человек уже не знает, не есть ли Бог диавол, а

«диавол – Бог», – опять ужасается Лютер. Этого-то великого искушения св. Тереза не знает вовсе, а если и знает (когда в видениях Христа не до конца верит, что это Он, а не диавол), то этого не сознает и не говорит об этом вовсе.

Главное свидетельство о «грешной» жизни св. Терезы дано ею самой в «Книге жизни ее», «*Libro de su vida*», или под другим заглавием – «Моя душа», «*Mi alma*». Первый список «Жизни» был, вероятно, сожжен ею самой, когда один из духовников ее, прочтя книгу, нашел, что она «внушена ей дьяволом» и что сама она – «бесноватая». А список второй, по доносу в «Лютерову ересь», отправлен был в суд Св. Инквизиции, где находился около двенадцати лет. «Книга жизни моей находится в Инквизиции, – говорит сама Тереза и могла бы сказать еще страшнее: – Моя душа – в Инквизиции». Это, впрочем, может быть, страшнее для нас, чем для нее, потому что Инквизиция кажется ей непреложным судом Божиим, или, по крайней мере, ей хотелось бы, чтобы она казалась ей таким судом. Но, вероятно, бывали минуты, когда и ей делалось так страшно перед этим судом, что она скрывала от него многое. Вот почему трудно узнать по этой книге действительную, святую и «грешную» жизнь св. Терезы.

То же почти, что сделал Данте для Италии, а Лютер – для Германии, сделает и св. Тереза для Испании: первая или одна из первых заговорит не на школьном, мертвом, латинском языке, а на живом, простонародном, старокастильском, *El habla vulgar*.

«Я пишу, как говорю, – так просто, как только могу... Больше всего я люблю в писаниях моих ясность, точность и простоту». Это говорит испанский гуманист, Жуан де Вальдес, современник св. Терезы, в своем «Диалоге о языке», «*Diálogo de la lengua*». «В книге этой („Жизни“) я говорю так просто и точно, как только могу, о том, что происходит в душе моей», – скажет и св. Тереза теми же почти словами, как Вальдес. «Я ничего не буду говорить, о чем не знала бы по моему собственному или чужому опыту». Это, впрочем, ей не всегда удастся. Женское многословие – главная причина ее неудач, и это она сама сознает: «Я всегда страдала тем, что для выражения мыслей мне надо было очень много слов». «Я только умею болтать». «Я как эти птицы (попугаи или скворцы), которых люди учат говорить: не понимая слов, я их только повторяю». «Трудно говорить о самом внутреннем, а так как трудность эта соединяется у меня с глубоким невежеством, то я наговорю, конечно, много лишнего, прежде чем скажу то, что надо сказать. Часто, когда я беру перо в руки, у меня нет ни одной мысли в голове, и я сама не знаю, что скажу». «Но Бог делает, чтобы это хорошо было сказано. Если же иногда я говорю глупости, то этому не должно удивляться, потому что я от природы бездарна». «Я уже не помню, о чем я начала говорить, потому что заговорила совсем о другом, но не сомневаюсь, что этого хотел Господь. Я никогда не думала написать то, что написала». «Пусть же сам Господь водит моей рукой». «Духу Святому себя поручаю: пусть Он сам говорит моими устами». Эта молитва св. Терезы исполнилась: лучшее в ее писаниях – не то, что сама она говорит, а то, что говорит через нее Дух.

Город Авила в Старой Кастилии, «город рыцарей, город святых», как называли его, с восьмьюдесятью шестью зубчатыми, из красноватого камня, грозными башнями, похож на неприступную крепость. Черная, но кое-где почти всегда убеленная снегом, горная цепь Сьерра де Гредос высилась на самом краю окружавшей город, унылой, выжженной, серыми валунами усеянной равнины. Авила славилась обилием, вкусом и чистотою вод, таких прозрачных, что наполненное водою ведро или водоем казались пустыми. Также прозрачно было и темно-синее небо Старой Кастилии: глядя на него, не только чужеземцы, но и тамошние люди каждый раз удивлялись, что небо может быть таким синим.

Мрачны были узкие улочки и тесные площади города, обвеваемые ледяными ветрами с гор; мрачны дома и дворцы, но мрачнее всего церкви и монастыри. Память о более радостной жизни уцелела только в предместьях Мавров, запустевшем после их изгнания Св. Инквизицией: здесь все еще, в солнечно-тихих двориках с точеными из алебастра, золотисто-желтыми и прозрачными, витыми столбиками, журчали фонтаны в мраморных чашах, благоухали апельсиновые и лимонные цветы под кущами лавров и мирт.

Замок благородного гидальго Алонзе дэ Чепеда, где, 25 марта 1515 года, родилась Тереза, находился против доминиканской обители Санто-Ромазо, рядом с церковью Св. Схоластики.

Родовое имя Терезы шло, по испанскому обычаю, не от отца, а от матери, доньи Беатриче дэ Агумада, принадлежавшей к одному из древнейших и благороднейших Авильских родов. Имя «Агумада», «Закоптелые», или грубее, славнее, «Копченые», — произошло от одного из предков Терезиной матери, который прославился в войне с маврами: стоя в подоженной неприятелем башне городской стены, он защищал ее от множества мавров, пока весь не закоптел и не почернел от дыма так, что сделался и сам похож на мавра.

Главным признаком Старо-Кастильского рыцарства была «чистота», «ясность», «светлость крови», *la limpia sangre*, несмешанность с кровью евреев и мавров. Чистая вера только у тех, у кого чистая кровь, — вот почему Старо-Кастильские рыцари — в том числе и Агумады, «Закоптелые», — были доблестными защитниками святой католической веры против всякого нечестия и ереси, — больше всего Иллюминатства, и новой «гнусной ереси» Лютера и Кальвина.

Скоро начнет рыцарские подвиги свои «вдохновенный гидальго», дон Кихот Ламанчский, *El ingenioso hidalgo don Quijote de la Mancha*, и главным из них будет защита веры.

Было шесть сыновей и три дочери у дона Алонзо и доньи Беатриче. Третьей, после брата своего, Родриго, родилась Тереза. «Батюшка мой был очень жалостлив к бедным и больным, а к слугам так добр, что не хотел иметь в доме своем рабов: с девочкой же рабыней одного из братьев своих, жившей у него в доме, обращался не хуже, чем с родными детьми, потому что видеть ее несвободной было ему, как он сам признавался, „невыразимо-тяжело“, — вспоминает Тереза.

Три, в детстве ее, пророческих знамения с такой точностью совпадают с тем, что будет главным делом всей жизни ее, что это похоже на чудо. Вот первое из этих трех знамений. «Чтобы читать Жития Святых, *Flos Sanctorum*, часто уеди-

нялась она с одним из братьев своих, Родриго, которого любила больше всех, потому что он по возрасту был ей всех ближе (ей семь лет, а ему одиннадцать), – вспоминает первый и лучший из всех жизнеописателей св. Терезы, Франческо де Рибера. – Сердце ее пламенело от повествований о муках и смерти исповедников Христовых так, что вскоре и сама она пожелала умереть, как они, чтобы такого же венца удостоиться». Очень простым и легким казалось ей это: только что палач отрубит ей голову, выпорхнет душа ее из тела, как птица из клетки, и полетит прямо на небо, в рай.

«В муках умереть и быть в блаженстве вечно, вечно, вечно! Para siempre, siempre, siempre!» – повторяла она, и Родриго – за нею.

С этой целью она убедила его убежать «в землю Мавров». Взяв с собою немного съестных припасов, бежали они из отчего дома. Выйдя чуть свет из городских ворот у реки Ададжи, перешли через мост и продолжали путь по большой Саламанской дороге, пока не встретился им один из дядей их, схавший на муле, и не принудил их вернуться домой, «к великой радости матери их, уже пославшей людей искать их повсюду, потому что она боялась, как бы не упали они в садовый колодец». Маленький Родриго был так испуган гневом родителей, что извинялся тем, что его увлекла сестра, а та ни в чем не извинялась и не каялась, только недоумевала, возмущалась, и если бы умела возразить, что чувствовала, то, может быть, спросила бы: все говорят, что мучеником быть хорошо; почему же никто этого не делает, и почему ее попытка сделать это кажется такой безумной и преступной? «Лучше сломаться, чем согнуться, antes quebrar que doblar», – это, может быть, она уже тогда впервые почувствовала и этому верна будет всю жизнь.

Знамение второе: «Видя, что нам невозможно умереть за Христа, мы с братом решили спастись, как древние отшельники спасались в пустыне, и для этого начали строить из камешков в нашем саду маленькие затворы и пустыньки. Но сложенные камни почти тотчас распадались, и строения жалко рушились». «Так всякая попытка исполнить наше желание (святой жизни) оставалась бессильной». «Время еще не пришло, когда суждено было ей, воздвигая великие и нерушимые обители, восстановить среди христианских народов святую жизнь древних пустынников», – замечает Рибера.

Между этими двумя путями святости – мученичеством и монашеством, действием и созерцанием, – воля ее будет колебаться всю жизнь.

Третье знамение: в комнате ее, над изголовьем постели, висела лубочная картинка, должно быть из тех, какие можно было купить за дешевую цену на ярмарках, изображавшая беседу Христа с Самарянкой, у колодца Иакова. «Господи, дай мне этой воды, чтобы мне не жаждать вовек!» «Domine, da mihi hanc aquam», – гласила надпись на картине. Может быть, глядя на Христа влюбленными глазами, все повторяла маленькая Терезина с неутолимою жаждою: «Дай мне, дай мне этой воды!» – и умирала, и не могла умереть от блаженства. Что это была за жажда, поймет она уже много лет спустя, когда, читая в молитвеннике слова из Песни Песней: «Да лобзает Он меня лобзанием уст своих, ибо ласки Его лучше вина!» – вся задрожит и с лицом, зардевшимся, как от первого поцелуя любви, подумает: «О, какая блаженная смерть в объятиях Возлюбленного!.. О, приди, приди, – я Тебя желаю, умираю и не могу умереть!» И еще яснее поймет, когда Христос в видении скажет ей: «С этого дня, ты будешь супругой Моей...

Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг». Этим последним великим знаменем, в детстве ее, предсказан ей главный религиозный опыт всей жизни ее – *Богосупружество*.

Против отчего дома Терезы находилась доминиканская обитель Санто-Томазо, где была могила Великого Инквизитора, Торквемады. «Прах о. Фомы Торквемады в этой могиле покоится. Ереси бежит, как чумы, *pestem fugit haereticam*», – гласила на могиле надпись. Слышала, вероятно, Тереза в детстве, рассказ об одном из последних страшных дел Торквемады, легенду о Св. Младенце. Выкрестов иудейских из города Окканьи близ Авили обвинили, справедливо или несправедливо, в том, что они украли христианского мальчика, распяли его в ночь на Страстную Субботу, искололи ножами, выточили из жил его кровь, вынули из груди сердце, высушили его, истолкли в порошок и смешали с украденным из церкви и тоже истолченным хлебом Св. Причастия, чтобы «изготовить колдовство», от которого должно было умереть бесчисленное множество христиан и Церковь погибнуть, а Синагога восторжествовать. В 1491 году, за четверть века до рождения Терезы, судьи Св. Инквизиции судили в г. Авиле этих действительных или мнимых злодеев и восемь из них приговорили к сожжению на костре – «делу веры» – *acto de fé*. Шестеро покаялись, но двое, Юче Франко, двадцатилетний юноша, и отец его, восьмидесятилетний старик, остались до конца нераскаянными; страшную пытку – раскаленными докрасна железными щипцами рвали им ребра – вынесли они без стога, без жалобы и, сгорая на медленном огне, сохранили непоколебимое мужество до последнего вздоха.

«Тоже Агумады, Закоптелые!» – может быть, прошептал, услышав об этом, Родриго, и глаза его блеснули восхищением.

«Что ты говоришь?..» – начала Тереза, возмущившись, и не кончила, – почувствовала вдруг, что он, может быть, прав. Если бы до ее сознания могло прийти это чувство, то, может быть, она подумала бы: «До какого отчаяния надо было довести людей, чтобы они совершили такое злодейство!»

Торквемада был человеком «благочестивейшим», как будто святым, потому что в самом деле любил если не Христа, то неотступную и соблазнительную тень Его, которая казалась людям тогда, и потом будет казаться, Христом. Был Торквемада и человеком «милосерднейшим», потому что в самом деле верил, что временным огнем спасает погибающих от вечного огня.

Встреча Терезы, в детстве, с Торквемадой – тоже пророческое знамение. Но если те три первых – возвещают добро в жизни ее и святость, то это, четвертое, – возвещает зло и грех. Будут преследовать ее всю жизнь в красном свете костров две черные тени – Торквемады, Великого Инквизитора, и мнимого Христа, не узнанного ею Антихриста.

«Матушка моя была женщина редких достоинств, – вспоминает Тереза. – Но доброго я почти ничего не перенимала от нее, а то, что в ней не было добрым, мне очень вредило. Она любила читать рыцарские книги. Это было для нее только развлечением и отдыхом... но для меня и для братьев моих – чем-то большим... Кончить все наши дела торопились мы, чтобы предаться этому чтению, а так как отец наш смотрел на него с неудовольствием, считая книги эти дурными, то мы читали их потихоньку от него... Этот маленький грех матушки незаметно ослаблял добрые чувства мои... Прячась от отца, проводила я многие часы дня и ночи за чтением и так пристрастилась к нему, что мне нужны были все новые книги, чтобы страсть мою утолить». В эти дни начала она писать, вместе с братом своим, Родриго, рыцарский роман.

Было время, когда ясный гидальго Алонзо де Агумада еще не видел никакого зла в рыцарских книгах. В мрачном сводчатом покое, с валявшейся в углу кучею ржавых рыцарских доспехов – брони, шлемов, щитов и мечей, – проводил он дни и ночи за чтением этих книг и едва не помешался от них так же, как Рыцарь Печального Образа, дон Кихот Ламанчский.

Дети верят в сказки, а взрослые, не только в Испании XVI века, но и всегда, везде, верят в рыцарские или им подобные книги, с тою разницей, что детям, чтобы верить в сказки, не надо сходить с ума, а взрослым надо.

Если бы друзья дона Алонзо прочли «Дон Кихота», то, может быть, увидели бы, что эти два рыцаря схожи почти во всем: был и этот, как тот, ростом высок и страшно худ, с таким же, как у того, простым и печальным лицом, с детски ясными голубыми глазами и ангельски доброй улыбкой; так и этот, подобно всем гидальго Старой Кастилии, казалось бы, и в нищенском рубище, <был> благороднейшим рыцарем «яснейшей крови». Оба едва не помешались от рыцарских книг, но, опомнившись, проклинали их и хотя дон Алонзо не сжег их, но сделал, может быть, лучше: велел их отнести на чердак, на съедение крысам. И умерли оба, как добрые христиане, почти как святые. «Я уже не дон Кихот Ламанчский, а гидальго Алонзо Квиджано Добрый», – скажет Дон Кихот, умирая. То же мог бы сказать, в смертный час, и гидальго Алонзо де Агумада, потому что, вплоть до имени, все у них было общее.

Может быть, в те дни, когда еще он сходил с ума от рыцарских книг, маленькая Терезина, любимая дочка его, робко, на цыпочках, входила в комнату его, и, положив ей руку на голову, он улыбался ей грустно и ласково, так, что ей казалось, что от этой руки входит в нее какая-то сила; она еще не знала, что это чудная и страшная сила Мечты. Когда же снова обращал он усталые и воспаленные от чтения глаза на недочитанную страницу, девочка все так же робко, на цыпочках, выходила из комнаты, как от только что уснувшего тяжелобольного уходят потихоньку, чтобы его не разбудить.

Как-то раз, может быть в поисках пропавших утюгов и гладильной доски или других домашних вещей, донья Беатриче поднялась на чердак и, увидев в самом дальнем и темном углу груды валявшихся пыльных книг, взяла одну из них и зачиталась ею так, что не слышала, как зазвонили к вечерне; когда же, наконец, услышала, то вздрогнула и потихоньку, крадучись, сошла вниз, в комнату свою,